

РУССКИЙ ТРАГИК

В декабре исполнилось 80 лет со дня рождения народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда Н. К. Симонова. На протяжении почти полувека он был актером Академического театра драмы имени А. С. Пушкина. Даже в блистательном созвездии актеров Пушкинского театра первого послереволюционного поколения талант Симонова выделялся масштабом и своеобразием.

Признание и известность пришли к нему очень рано, чуть ли не сразу после первого появления на сцене в середине 20-х годов. Вся его фигура, стать, гордая посадка красивой головы, чарующий тембр голоса не могли не привлечь внимания.

Но до подлинного, глубинного проявления всей мощи симоновского таланта было еще далеко. Играв в первых советских пьесах — Павла в «Вирине», Мехоношева в «Конце Криворыльска», Вершинина в «Бронепоезде 14-69», он создавал принципиально новые, непривычные для той поры образы современников, поражавшие своей психологической достоверностью. Но достоверность эта не имела ничего общего с жизнеподобием, прямолинейным копированием действительности. Уже тогда проявилась орга-

нически присущая актерской индивидуальности Симонова способность воплощать на сцене душевную приподнятость и окрыленность, силу убеждения, мужество и величие человека. Искусство Симонова словно приподнималось над всем привычным и знакомым и увлекало за собой зрителей. Впервые это проявилось в полной мере при встрече актера с пушкинской драматургией. Роль Бориса Годунова, сыгранная совсем еще молодым Симоновым в 1934 году, стала первым мощным аккордом той симфонии трагических образов, которая составляет главное богатство творческого наследия актера. Образцами вершинных актерских достижений в истории советского театра навсегда останутся такие симоновские роли, как Федя Протасов в «Живом труп», Сатин в «На дне», Маттиас Клаузен в «Перед заходом солнца». Только тот, кому посчастливилось видеть Симонова в «Маленьких трагедиях», может постигнуть до конца величие трагического разлада в душе пушкинского Сальери.

Для миллионов кино- и телезрителей незабываемы и единственны в своем роде многие экранные создания актера. Это — монументально

яростный Петр («Петр-1»), надломленный под гнетом предательства кардинал Монтанелли («Овод»), предельно обнажающий мятежно-нежную душу Флягин («Очарованный странник»).

В кино и на телевидении, как и в театре, Симонов стремился прежде всего к тому, чтобы показать все богатство возможностей сильной и смелой человеческой личности. Нравственное самоутверждение человека, каким бы трудным и сложным оно ни было, какой бы дорогой ценой ни доставалось, всегда было главной целью и генеральной линией творчества Симонова. И еще одна общая черта присуща многим характерам, созданным Симоновым на сцене и экране, особенно в последние десятилетия творческой деятельности. Это глубокое, внутреннее, непоказное чувство горделивого восхищения почти беспредельными возможностями человеческой природы.

Искусство Н. К. Симонова неразрывно связано со всем богатством традиций русской реалистической школы актерской игры, традиций, накопленных на александринской — пушкинской сцене от Каратыгина до Юрева. Но оно также всегда было и останется глубоко современным, близким и нужным зрителям. Потому что всегда была, есть и будет потребность увидеть на сцене человека выдающегося и неповторимого, чья возвышенная судьба властно приковывает внимание, увлекает нас за собой.

В. ПОЛУШКО

1984. ПЕР. 92

Журнал «Ленинград»